

18+

Алексей Караковский

ВСПОМНИ ЧТО-НИБУДЬ

Алексей Караковский

Вспомни что-нибудь.
Стихотворения

«Издательские решения»

Караковский А.

Вспомни что-нибудь. Стихотворения / А. Караковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937450-9

Сборник стихотворений «Вспомни что-нибудь» — первая книга Алексея Караковского, вышедшая в 2007 году благодаря моральной поддержке Кирилла Ковальджи, Анатолия Кобенкова, Риммы Казаковой, Ирины Медведевой и Евгения Степанова. Отдельные фрагменты поэтического цикла публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Точка зрения», «Дети Ра» и других. Данное переиздание представляет собой оцифрованную версию последнего, чудом сохранившегося экземпляра книги.

ISBN 978-5-44-937450-9

© Караковский А.
© Издательские решения

Содержание

Кирилл Ковальджи. «Полный внутренней речи и тревоги»	6
Открытие	8
Птицы ни для чего	9
You make me real	12
Синицы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вспомни что-нибудь

Стихотворения

Алексей Караковский

© Алексей Караковский, 2020

ISBN 978-5-4493-7450-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кирилл Ковальджи. «Полный внутренней речи и тревоги»

Достаточно пообщаться с ним несколько минут, как чувствуешь – творческая личность. Потом узнаёшь, что действительно так: Алексей Караковский – и музыкант, и прозаик, и поэт, и переводчик. А ещё и фотограф, создатель Интернет-сайтов и... Да мало ли ещё что. Широта интересов чрезмерная, буквально жажда объять необъятное. Какие от этого плюсы-минусы – понятно. За творческую экспансию приходится чувствительно расплачиваться. Но плюсов всё-таки больше.

В данном случае перед нами Алексей Караковский – поэт. Перед нами только стихи, а точнее – верлибры. Ещё точнее – тексты. Тексты, объединённые общей интонацией, близкой к прозаической, но с постоянными вспышками метафор, искрами поэзии. Такой вот парадокс. Текст, хотя и членённый на отдельные главки, тем не менее – монолитный, цельный, – монолог, разговор с самим собой, без обращения к кому-либо. Без адреса. И обращённый ко всем! Это второй парадокс Алексея Караковского.

Монолог, подкреплённый скрытой музыкальностью построения. Своеобразная симфония настроений. С быстрыми перепадами, противоречиями, но одинаково остро эмоциональными. Это исповедь молодого человека, осознавшего себя в переходное время, когда ещё рядом поколения старших, сформированных прежними иллюзиями. А ему досталась голая правда, лишённая общей целеустремленности.

Новые, тридцатилетние... Тот редкий случай, когда разные поколения – разные миры... Похоже на то, как в свою пору было легче поверить, что земля покоится на трёх китах, чем согласиться, что она просто висит, кувыряясь в пространстве. Страшно!

Конечно, метафора. Страна лишилась земного бога. И идеала.

Раньше была тяжесть, оковы, теперь – невесомость. Однако же космонавтам приходится её осваивать! Я бы сказал, что Алексей – представитель такого вот молодого «космического» поколения. На земле – как в открытом космосе...

И ещё один парадокс. Алексей Караковский откровенно занят собой, он заполняет собой пространство этой книжки, и одновременно – он больно и чутко отзывается на то, что происходит вокруг. «Трещина мира» прошла и через его сердце.

Читая поэтические тексты Алексея Караковского, ловлю себя на мысли, что он чутко выражает современный менталитет: он художественно воплощает (причем вполне органично!) клиповое сознание, я бы сказал – многоканальное мировосприятие. Богатство? Да. Но и смятение, поиск ориентира. Отчаяние и ликование. Цельность и дробность. Одиночество лихорадочной и поверхностной общительности. Пошлёт всех и вся «на фиг», а потом оказывается, что самозабвенно любит... Творческое состояние, похожее на новую реку, которая, разливаясь половодьем, ищет русло...

«Полный внутренней речи и тревоги» – хорошо и точно сказал о себе поэт.

Это новое веяние. Хотя каждая последующая ступенька неизбежно утрачивает предыдущую. Стихи, не похожие на стихи. Обыкновенный читатель зачастую не поспевает за переменами. Он по инерции пытается понять современность в привычных вчерашних формах. Так ему удобней. Более того, сегодня читатель, как правило, читает не то. Ему подаются коммерческое чтиво, и он глотает...

Но разве поэт ориентируется на такого читателя?

Новое притягивает новое.

Пусть Господь сам разбирается

*с тем, что осталось от мира
после его ухода...*

*В своей стране я всегда дома.
Я могу выйти на улицу, купить хлеба,
могу свалить куда-нибудь автостопом,
могу писать стихи, могу не писать,
могу просто сыграть для тебя блюз или польку —
неважно что, лишь бы ты была рядом.*

АЛЕКСЕЙ КАРАКОВСКИЙ. ВСПОМНИ ЧТО-НИБУДЬ

Открытие

...и сердце ёкнуло: я люблю её!
Внезапным открытием мир перевернув,
вывернув наружу торжество и восторг,
сметя без следа былую самоуверенность
и слабые попытки самоконтроля.
Где я? Где она?
Будем ли счастливы в мире этом?
Какая разница, когда сердце бьётся —
и не унять!..
Прислонился к стене. Перевёл дыхание.
Открыл и закрыл глаза – работают.
Украдкой стёр пот со лба – надо же!
Огляделся – всеобщее внимание
вроде бы не привлечено.
...и пошёл, куда глаза глядят,
раненый насмерть
первой и чудовищной любовью.

18 ноября 2005 года.

Птицы ни для чего

1.

Священное писание льётся и по сей день
своим хрустальным верлибром,
священное писание осчастливит всех тех,
кто удачлив наполовину,
устранит обидчиков и бывших мужей,
детям даст кусок хлеба и зрелищ,
на перекрёстке со сломанным светофором
укажет дорогу заблудшим таксистам...
Но, знаешь, эти птицы здесь ни для чего,
им не нужны священные книги,
и что бы ни случилось – знай, лети —
да береги свои яйца.

2.

Калитниковского рынка незримая ось
словно проходит в центре гончарного круга.
Солнце без усталости шпарит под Карачаровский мост
люди топчут, толкают друг друга.
Где им прочесть токи нашего мозга,
где им расслышать голос из голосов!
Отпусти меня, человеке, хоть это не просто,
отпусти, я хочу лишь освоить то, что не довелось:
небеснокрылый, воздухопёрый
нежным турманом выгнись в дугу...
А знаешь, это особенно здорово —
целовать крылышки на бегу.

3.

Я черноокий Аврелий, я без апреля маюсь,
я серокрылый тосканец, таскаю свои потёртые крылья,
нож из-под плаща – коготь страш-шный!!!
Берегись, душа, брата нашего, мы – безбашенны!
Наши женщины – в вечном трауре
чёрных крыльев подолы волочатся по ветру
Здравствйте, очень прриятно! Мы питаемся падалью!
до гортани откроются взгляду старушечьи вопли,
берегись, случайный прохожий, ворона одичавшего,
огрубевшие за зиму, мы вымерзли тыщами,
чтоб сейчас, пролетая над антропогенными башнями
прокричать тебе: ТВАРЬ, ТЫ ГОДИШЬСЯ В ПИЩУ!

4.

Небесные конструкции покрыты
строительным лесом, строительным мясом,
небесные конструкции – это гостиницы
для перелётных переселенцев.
Конференция на телефонных проводах
никогда не будет понята теми,

кто изобрёл телефон —
конечно, для нас, для кого же ещё...
Дебаты, дебаты на солнечных пятнах —
о чём можно говорить у стадиона «Динамо»,
когда весна так пьяница и счастье почти настоящее?
Конечно, о бабах.

5.

Пошли на дело, солнце светит ахово,
пошли на дело, на крыль... ййахх! Овод,
сгони его! Хлеб – преломи его!
Вина вина, благословение блага,
и знаешь, мой добрый бродяга,
всё ещё будет, ничего не закончится
по воображаемым параллелям
лети, моя лётчица-самолётчица!
бес в ребро, сон в руку, середина июля,
и твоя голубка останется с тобой навсегда —
просто сунь голову под крыло,
пора спать...

13—14 мая 2006 года.

You make me real

Мне часто снится шествие печальных животных,
чьи тёмные глаза выразительней, чем у детей и женщин.
Недоваренный рис раскладывается по тарелкам,
мы садимся за длинный стол, но трапезы не будет.
Они заглядывают в душу и многозначительно молчат.
Наверное, я никогда не смогу им объяснить, где я был
столько лет, в самые трудные дни их бесприютной жизни.
Марина уходит от Димы.
Дима уходит в армию.
Их дочь уходит из дома.
Кто-то из них уходит в монастырь,
и время – время тоже уходит.
Наша тихая Родина так велика,
что этот дождь всегда найдёт себе пристанище
на её овдовевшем лице, изрытом морщинами и окопами.
Мы вытрем капли крови и отправимся дальше,
к месту нашего окончательного умиротворения,
если, конечно, нас не задержат неотложные дела
и условия продлённых трудовых договоров.
Серёжа любит Катю.
Катя любит финики и кино.
Их сосед ежедневно любит свою жену —
какая, к чёрту, может быть звукоизоляция
в нашем насквозь дырявом мире?..
Чёт, нечет, не всё ли равно, когда в дело вступают
обворожительные звёзды телеэкрана,
делающие всегда правильный выбор?
В подсознании я потребляю столько зубной пасты,
что места для мозгов уже не остаётся,
раздражение накапливается, и новые семь строчек
становятся для меня тем же, что и предыдущие пять.
Исмаил ухаживает за Варварой,
Варвара ухаживает за спатифилумом,
они вместе хаживают в бильярд,
и родители Вари не против мусульман,
если они не чеченцы, не вахабиты и не паршивые ублюдки.
Настало время постмодернистских выкидышей,
когда не веришь мельчайшим проявлениям невинности.
«Хочу семью, детей и счастья» – «А зачем?...».
Конечно, всё не так плохо – но как об этом не думать,
когда каждую осень воздух горчит одиночеством?
Не забудь поменять „квадратные“ скобки на «фигурные»
в демонстрационной версии своей любви.
Таня хочет Таню.
Ваня хочет Ваню.
Зрители хотят реалити-шоу и биг-мак на ужин.

Звери сходят с ума и тоскливо умирают
здесь же, в прямом эфире.

17 октября 2005 года.

Синицы

1.

Москва семидесятых навсегда осталась в моей памяти при хорошей погоде – зимой и, особенно, летом. Синицы и жуки были частью нашей большой общности. Мы жили на одних и тех же одуванчиковых полях, гуляли под одними и теми же деревьями. Обезжиренная поверхность серых проспектов, насильственное трудоустройство и безлюдье — всё это было где-то далеко, на Волгоградском проспекте, между автобусных остановок и добрых бабушек. Ветки растущих у окна деревьев казались ближе — до некоторых можно было дотянуться рукой. Потом впервые наступила плохая погода, семидесятые закончились и улетели в небо вместе с Олимпийским медведем, синицами и жуками. Я смотрел на них, как смотрят на воздушные шарик, и махал правой рукой, левой размазывая слёзы — ещё не зная, что жизнь, хотя и приходит один раз, но никогда не заканчивается так просто.

2.

Буквально на следующий день пришли восьмидесятые, и моему детству разом пришлось потесниться, торопливо пряча игрушки и фантазии под кровать, чтобы, не дай Бог, не остаться беззащитным в мире, где синиц и жуков сменили очереди в магазинах, талоны на сахар и визитные карточки покупателя. Советская школа блюла свои пионерские галстуки — именно их и запах старых газет я помню лучше всего. Отсутствие хоть какой-нибудь вентиляции в раздевалках прививало любовь к спорту, а плохое зрение заставило перейти с вратарской линии в защиту. Всё свободное время отдавалось войне за выживание. За своё детство я изготовил и применил столько оружия, что уже давно должен был получить максимальный срок в этой огромной камере хранения дурных воспоминаний. Постоянная готовность к бою стала привычкой, и то, что началось в восьмидесятых избиением слабых, закончилось с концом перестройки — районом на район.

3.

Москва девяностых вернула хорошую погоду летом, и я снова встретился со старыми друзьями. Синицы, покинувшие город десятилетием раньше, ещё не вернулись, но деревья снова зазеленели, и улицы, в целом, настраивали на хорошее настроение. Свободу усугубляла дешёвая выпивка и полное отчаянье, при котором будущего не предполагалось просто потому,

что наше время тогда ещё не совершило ничего,
что могло бы предполагать у него добрые намерения.
Каждый день был прожит, как единственный шанс,
и рок-н-ролл спасал мир – практически до самого вечера.
Учебники не врут: это была настолько горячая эпоха,
что зажигались и гибли целые политические режимы,
а зимой не хватало снега для празднования Рождества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.